

Андроников Ираклий

29.09.03

дата

“ОН ЗВОНИЛ В ДВЕРЬ — ВСЕ ВЫБЕГАЛИ ЕГО ВСТРЕЧАТЬ”

Екатерина Андроникова об отце

К девяностопятилетнему юбилею выдающегося литературоведа Ираклия Андроникова его дочь **Екатерина Андроникова** дала интервью **Татьяне Невской** специально для Газеты.

Газета — 2003 — 29 сент. — С. 7.

Екатерина Ираклиевна, огромной заслугой вашего отца было то обстоятельство, что он вывел науку из тиши кабинета. Его отточенные и захватывающе интересные новеллы в книгах, пластинках, радио- и телепередачах убеждали в том, что литературоведческие исследования — увлекательное и будто бы не трудное занятие, все само идет в руки.

На самом деле не само шло в руки. Он самозабвенно рылся в архивах, выискивал факты и предположения, жил этим, не отдавая себе, возможно, в этом отчета. Со стороны это было с ума сойти как интересно. Появлялась в исследовании какая-нибудь новая, пусть маленькая, деталь — об этом узнавали близкие. Обращал сюжет новыми находками — он рассказывал об этом широкому кругу людей.

Его рассказ «Первый раз на эстраде» начинается фразой: «Основные качества моего характера с детства — это застенчивость и любовь к музыке».

С музыкой у него были особые отношения. Его отец Луарсаб Николаевич отправлял его, ученика тифлисской гимназии, в оперу постоянно. У него было природное тяготение к музыке. Это была абсолютная детская страсть, вселенская любовь, которая продолжалась даже в обычной жизни. Он лично знал очень многих дирижеров, и дирижеры его любили, приглашали часто в дирижерские классы, с ним дружили большие музыканты, композиторы. У отца были абсолютный музыкальный слух, уникальная музыкальная память и необыкновенная пластика рук. Он в душе мечтал быть дирижером. И его музыкальная судьба все равно состоялась, но в чуть другой плоскости. Музыка присутствует в любом моменте его творчества. И сами рассказы его музыкальны, это синтез музыки и слова. Над словом он работал как музыкант над нотами. Поэзия в его прочтении была музыкальна, он читал с тонким пониманием мелодики стиха, голосом мог выразить то, что было смыслом стихотворения.

У нас дома при тогдашней несовершенной технике был проигрыватель. Мы жили на Мясницкой, над магазином пластинок.

Отец там бывал постоянно и покупал не просто музыку, а разные интерпретации одних и тех же произведений, помнил, где какой дирижер какую часть симфонии лучше исполнил. Дома он ставил пластинку, брал подаренную ему настоящую дирижерскую палочку, включал проигрыватель и дирижировал. Он знал, когда вступят валторны, скрипки, кларнет...

Уникальный талант Ираклия Андроникова родился, мне кажется, из сплава культуры XIX века и новых, популярных в XX веке, веяний — радио и чтения литературы с эстрады.

Да, и это было дарование, которое он открыл в себе сам. Радио, конечно, повлияло на формирование его дарования. Там были прекрасные голоса, эти голоса звали слушателей в свой образный мир... Если вспомнить его рассказы об Остужеве, выдающемся актере, о котором не осталось памяти на телевидении, в отцовских рассказах, как всегда, первый пласт — смешной. Это похожесть походки, повадок, а за этим стоит глубина, судьба. «Горло Шалапина» — рассказ в рассказе, не только рассказ, но и показ, виден неповторимый облик Остужева — русского актера редкого дарования и трагической судьбы, виден масштаб личности Шалапина.

У тех, кто бывал на концертах Ираклия Андроникова, осталось в памяти его абсолютное владение аудиторией.

При этом он был застенчив, сражался с этой чертой характера и поборол ее на сцене, так и оставшись в глубине души застенчивым человеком. Его жизнь была большим путешествием: консерватория, библиотеки, музеи, любимое место на земле — Петербургская филармония, другие города и страны; он умел путешествовать во времени. Ему было близко искусство Малого и Художественного театров, Станиславского и Немировича-Данченко, Вахтангова и Таирова. Это была и семейная преемственность. Тетка отца — сестра его матери Любовь Яковлевна Гуревич сыграла важную роль в истории Художественного театра. Она была журналистом, редактором, историком те-

атра. По счастливой случайности отец родился в один день с Товстоноговым, который очень уважал отца и называл его однажды «фейерверком российской культуры». Когда Игорю Моисееву исполнялось шестьдесят лет, отец должен был произнести на юбилейном концерте приветственное слово. Он пришел на репетицию ансамбля и просидел там месяц. Зато когда он произнес эту речь, то сумел адекватно передать свой восторг.

Кем бы он ни занимался, факт биографии исследуемой личности превращался в смысл его творчества. Каждая новая тема начиналась с хождения по кабинету. Он вынашивал в себе замысел, затем складывал лист бумаги пополам, тюкала на машинке, потом правил, потом снова перепечатывал и выносил сделанное на семейный суд. А у нас не было заведено обсуждать комплиментарно. Это не значит, что наши претензии он вносил в свои тексты, но выслушивал обязательно. Ему были присущи удивительное человеческое благородство и внешняя уравновешенность, что бы ни творилось в это время в его душе. Он звонил в дверь — все выбегали его встречать. Он вносил в дом особый воздух, атмосферу, свет. Я так и вспоминаю время, прожитое с ним, как озаренное особым светом.

Вы часто бывали на концертах отца?

Я помню все его концерты — он выходил без грима и без особого концертного костюма, но всегда преображенный, другой походкой, он появлялся на сцене — и у меня дух захватывало. В зале еще голон — он садился к столу и делал такие пассы руками, поправлял скатерть; обязательный стакан с чаем. И через мгновение все замирало. Он овладевал аудиторией и держал внимание весь концерт. При этом — никакого микрофона! Голос глубокий и яркий, с феноменальной дикцией, был слышен в каждом уголке зала... Это был огромный талант. Так случилось, что после отца не осталось последователей и учеников, он не преподавал, хотя ему много раз предлагали. Мне очень жаль, но такова его судьба. Он был кометой.

Екатерина Андроникова: «Он был застенчив, сражался с этой чертой характера и поборол ее на сцене, так и оставшись в глубине души застенчивым человеком» Фото из семейного архива, публикуется впервые (1947)